

6. Комский Д. М., Игошев Б.М. Игротека автоматов. М. Энергоатомиздат, 1987.

7. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. С. 377–380. URL: <http://ec-dejavu.ru/d/Doll.html>

8. Морозов И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре: (Кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма). М.: Индрик, 2011.

9. Jaffke F. Fröhliche Puppen selbst gemacht. Verlag Frties Geistesleben, 2009.

А. А. Иванько

Двойное кодирование как антропологический принцип семиосферы

УДК:003; 78.1

Механизм двойного кодирования рассматривается в качестве универсального когнитивного процесса, предуготовленного функциональной асимметрией головного мозга. Рассматривая этот механизм на примере цикла Т.С. Элиота «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом», автор показывает систему его многоуровневых актуализаций в культуре. Двойное кодирование прежде всего проявляется как дополнительность различных кодов (вербального и визуального), индексального и иконического знаков и др. Символ рассматривается как знак, обнаруживающий этот принцип внутри самого себя (индексация абстрактной сущности и её метафорический образ). Двойное кодирование информации – это одновременно способ её «архивирования» и инструмент генерации смыслов в культуре.

Ключевые слова: двойное кодирование, семиосфера, бинарность и асимметрия, поликодовость, Томас Элиот.

A. A. Ivanko. Double coding as anthropological principle of semiosphere

The central issue of this article is the mechanism of double coding as universal cognitive process, which is determined of functional asymmetry of the brain. Within the framework of investigation the author analyzes how double coding principle extrapolates on semiosphere. Analyzing Thomas Eliot's cycle of poems "Old Possum's Book of Practical Cats" the author came to the conclusion that all cultural texts have binary structure. Only polycoding can provide creation, comprehension and interpretation of texts of various sign nature.

Keywords: *double coding, semiosphere, binary and asymmetry, polycoding, Thomas Eliot.*

Картография исходных понятий

Основное направление этой работы составляет анализ механизма двойного кодирования информации, его сущности и многообразия форм проявления. В центре внимания окажутся вопросы о бинарном принципе построения любого текста культуры и универсальности когнитивного процесса двойного кодирования.

Пресуппозициями ответа на этот вопрос станут следующие положения:

– при анализе любого текста культуры обнаруживается бинарный принцип его построения. Наличие минимум двух разновекторных кодов – обязательное условие для реализации акта означивания. Только оперируя двумя асимметричными системами (например, вербальной и визуальной), запускается процесс мышления;

– процесс двойного кодирования информации нельзя отменить, так как он обусловлен функциональной асимметрией головного мозга.

В центре внимания окажется вопрос о том, как реализуется принцип двойного кодирования в авторском идиостиле. Материалом анализа послужит поэтический текст, в котором автор интуитивно занимается многоуровневым кодированием информации.

Материал и методология исследования

Я обращусь к сборнику стихотворений Томаса Стернза Элиота «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом».

Культурное наследие английского поэта мало изучено, хотя Томас Элиот в своих произведениях интуитивно затрагивает серьезные вопросы из философии языка и семиотики. Поэтический сборник «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом» состоит из 15 стихотворений. На основе этого материала я покажу, как работает механизм двойного кодирования в авторском идиостиле и почему его нельзя отменить.

«Кошки» с двойным дном

Двойное кодирование – универсальный когнитивный процесс, обусловленный структурой человеческого мозга и предполагающий две разновекторные операции в одном акте означивания. Благодаря функциональной асимметрии левого и правого полушарий оказывается возможным процесс познания. Левое полушарие, будучи ответственным за аналитические операции, постоянно вступает в «диалог» с правым полушарием, в котором хранятся зрительные и пространственные образы. На стыке этих двух асимметричных систем осуществляется порождение смыслов.

На данный момент не существует строгого и универсального определения двойного кодирования. Это связано с многообразием способов проявления этого процесса в различных языках культуры. Отсюда – в каждой научной парадигме этот принцип дополняется специфическими чертами. Канадский психолог Аллан Пайвио одним из первых попытался сформулировать теорию двойного кодирования, связывая этот процесс с дополнительностью вербальных и невербальных систем коммуникации. Опираясь на исследования полушарий головного мозга, Аллан Пайвио доказывает, что познание включает в себя деятельность двух отдельных подсистем: вербальной, которая прямо специализируется на обработке языковой информации, и невербальной (образной), предназначенной для «непосредственной» репрезентации предметной реальности. Познание – это мозаика взаимодействия вербальной и невербальной систем. Это положение остаётся верным и в акте использования, казалось бы, одного языка – вербального, поскольку оборотной стороной произнесённого слова выступает понятие-образ, которое транслируется нам сознанием [10, с. 16].

Об универсальности принципа двойного кодирования говорит многообразие способов его проявления. В семиотике двойное кодирование актуализируется через дополнительность вербального и невербального языков, индекса и иконы. В философии – через бинарность дискретного и недискретного. В обозначенных системах принцип двойного кодирования позволяет сделать любое сообщение многоуровневым, то есть увеличить его познавательный и дескриптивный потенциалы.

В контексте культуры исследованиями механизма двойного кодирования стали заниматься при анализе постмодернистских текстов. Понимание категории кода и двойного кодирования в постмодернистской литературе весьма неоднозначно. Ряд исследователей постмодернистский код трактуют как совокупность смыслов, образов, зашифрованных в произведении, а под двойным кодированием понимают сочетание метафор, сложный ряд аллюзий, сокрытых под слоем авторского замысла. Так, по мнению Р. Барта, под кодированием следует понимать «ассоциативные поля, определённые типы уже виденного, уже читанного, уже деланного» [1, с. 26]. В этом смысле код приобретает смысловую нагрузку сложной «двойной» метафоры.

Согласно И. Ильину, двойной код – это отличительная характеристика постмодернистского дискурса. Двойное кодирование как совмещение собственно повествования и его иронико-игровой интерпретации выступает стилистическим следствием «познавательного сомнения», эпистемологической неуверенности, авторской метатекстовости [4, с. 13].

Ч. Дженкс и Т. Дан выводят вопрос о двойном кодировании из сферы общеполитических размышлений в пространство его практического воплощения. Так, один и тот же текст культуры может прочитываться в конвенциях массовой культуры и одновременно апеллировать к самой искушённой аудитории [3, с. 54–60]. Такого рода тексты функционируют как «двойные агенты», или «тексты с двойным дном», ориентированные как на элитарный, так и на профанный вкусы [6, с. 470] и потому «над схваткой культуры элитарной – с массовой» [7, с. 461].

Принцип двойного кодирования экстраполируется на все пространство культуры, проявляясь через систему различного рода бинарностей. Среди них фонетические оппозиции, дополнительность разносемиотических (аналитических и образных) систем, дополнительность дискретного и недискретного, двухплановая структура метафоры (теория Дж. Лакоффа и М. Джонсона) и др. Всё это множество бинарностей сводится в итоге к универсальному синкретизму слова и образа, семантической «точки» и её визуального «развёртывания».

Покажем, как работает этот принцип на материале цикла стихотворений Томаса Стернза Элиота «Популярная наука о кошках, написанная Старым Опоссумом».

Произведение Томаса Элиота состоит из 15 стихотворений, каждое из которых описывает имя, характер и жизнь разных котов. Текст, на первый взгляд написанный для детей, может быть прочитан в когнитивно-семиотическом ключе. Наивный читатель декодирует только детскую фабулу – юмористические жизнеописания котов, в то время как семиотик прочтёт его как, например, «иллюстрацию» к философскому труду по вопросам номинации.

Так, рассуждение Томаса Элиота о том, что у кота должно быть три имени («The naming of cats»), отсылает читателя к проблеме истинной номинации. Невозможность дать коту некое «истинное» имя, вбирающее в себя все его сущностные характеристики, приводит к тому, что кот в различных ситуациях-дискурсах обладает различными именами. Существуют «домашние», «повседневные» имена кота (*everyday names*): Peter, Augustus, Alonzo, James, Victor, Jonathan, George, Bill Bailey, Plato, Admetus, Electra, Demeter. К коту приложимы и так называемые уникальные имена (*peculiar names*): Munkustrap, Quaxo, Coricopat, Bombalurina, Jellylorum. Эти имена в отличие от «простых домашних имен» более точно отражают характер и особенности кота.

Данные имена представляют собой индексально-иконические знаки, которые пытаются максимально приблизиться к точному отображению своего референта, но это им сделать не удаётся. Поэтому Томас Элиот вводит «тайные», не предназначенные для чужих ушей имена (But above and beyond there's still one name left over,

And that is the name that you never will guess; The name that no human research can discover – But THE CAT HIMSELF KNOWS, and will never confess. When you notice a cat in profound meditation, The reason, I tell you, is always the same: His mind is engaged in a rapt contemplation Of the thought, of the thought, of the thought of his name: His ineffable effable Effanineffable Deep and inscrutable singular Name / И есть чрезвычайное имя: третье – Сколько б вы ни положили труда, Оно пребывает в таком секрете, Что КОТ НЕ ОТКРОЕТ ЕГО НИКОГДА. И если вы видите, кот поглощен Раздумьями вроде бы не земными, Знайте, что он погружен, как в сон, В мысли про мысли о мыслях про имя, Сказа-несказанное, Несказанное-анное, Не-произносимое тайное Имя) [8, с. 317].

В отличие от первых двух имен тайное имя есть не что иное, как идеальный знак, полностью соответствующий вещи (коту) и отображающий ее сущность. В истории культуры не прекращается поиск идеального знака, соотносимого с сущностью вещи. В архаических культурах жители племен не называли своих истинных имен, а пользовались «повседневными» именами, веря, что таким образом оберегают свою душу. Знаками, соотносимыми с сущностью вещи, как считается, обладал адамический язык. Этой же проблеме посвящено эссе Хорхе Луиса Борхеса «Роза Парацельса».

Наличие нескольких знаков для одного и того же референта – это проявление многовариантного кодирования. Одновременно у Элиота двойной код скрывает в себе и каждое отдельное имя кота. Имя *Plato* индексально не только указывает на соответствующего кота, но и отсылает к древнегреческому философу Платону. Создаётся ситуация, когда коту приписываются символические значения, связанные с именем Платон. Это в первую очередь мудрость, а в переводе с греческого имя Платон означает еще и «широкоплечий». Имя *Admetus* также референциально указывает не только на определенного кота, но и на героя древнегреческой мифологии Адмета, который известен в сказаниях тем, что у него служил в пастухах Аполлон. Согласно одним легендам, Аполлон делал это из-за любви к Адмету, согласно другим – в наказание за то, что Аполлон убил дракона Пифона.

Таким образом, имя собственное становится знаком с «двойным дном», или знаком, сочетающим по принципу дополнительности два способа кодирования: индекс и символ.

Примечательно, что при переводе на русский язык частично теряется полисемия знака, а слово иногда обретает новую символическую окраску в контексте другой знаковой системы. Так, ряд имен в оригинальном тексте «Plato, Admetus, Electra, Demeter» в переводе С. Сергеевой звучат как «Платон, Антигона, Адмет, Ниобея» [8, с. 301]. Переводчик заменяет некоторые имена совершенно другими. Однако за новыми греческими именами стоят близкие, но все же не равнозначные по смыслу концепты. За именами Антигона, Электра – концепт семейной трагедии, и за именами Деметр, Ниобея также стоит концепт семьи. Причем имя Деметр заимствовано из армянской мифологии. Отдельно выделим имя Bill Bailey, которое при переводе стихотворения на русский язык было вовсе опущено. Однако это имя, помещенное в современный контекст, начинает декодироваться совершенно по-новому. Билл Бейли – популярный английский комедиант. При таком прочтении этого знака на первый план выходит скорее концепт юмора, чем фонетически закодированная вальяжность протяженных звонких английских согласных [b] и [l]. Анализ имен из первого стихотворения цикла показал, что принцип двойного кодирования экстраполирован не только на весь текст, но и на его частные элементы, такие как индексально-символические имена. Причем оригинал текста и его перевод – это тоже вид кодирования информации в двух разных знаковых системах. Пытаясь сохранить принцип двойного кодирования, переводчик, как правило, сохраняет только индекс, но меняет иконическую составляющую, тем самым подкладывая совершенно иную смысловую картину.

Говоря о двойном кодировании в семиотике, следует отдельно обозначить неразрывность между дискретностью и недискретностью в передаче информации. Человек «прикреплен» к миру несколькими органами чувств, которые комплексно используются им в процессе познания. Тактильно чувствуя предмет, осязая или называя его, в сознании обязательно возникает образ этого предмета. Органичную спаянность индексально-иконического способа ото-

бражения мира Томас Элиот показал с помощью развернутых дескрипций к каждому коту. Сам по себе кот – дискретный объект, но наделенный его визуальными, ментальными и звуковыми дескрипциями, кот «оживает» в сознании читателя. Так, полный образ кота по имени Тигриный Рык (“Growltiger”) создается посредством таких недискретных атрибутов, как “the roughest cat”, “he pursued his evil aims”, “the terror of the Thames” [8, с. 318]. В переводе А. Сергеева относительно нейтральные коннотации слов «самый грубый», «он преследовал пагубные цели», «ужас Темзы» обретают еще большую экспрессию: «его холодный злобный взгляд скребет шершавей пемзы; Он даже счастлив, что его зовут проклятьем Темзы». Томас Элиот кодирует грубость и злость Тигринового Рыка посредством регулярного повторения английской согласной [r]: **Growltiger, the roughest, pursued, terror, torn.** Многоуровневое кодирование позволяет добиться высокой степени достоверности образа.

Помимо важной для семиотики бинарности дискретного и недискретного, Томас Элиот намеренно или интуитивно описывает в своем цикле стихотворений еще один важный когнитивно-семиотический механизм. Создавая индексально-иконические знаки (в виде котов и их дескрипций), Томас Элиот показывает, как язык ввиду своей вероятностной природы не может подступить к отдельной вещи, а только к классам предметов. Ввиду невозможности полного совпадения между знаком и его референтом язык запускает механизм абстрагирования. Описывая *Jellicle Cats* («Джеллейных кошек») и наделяя их определенным набором атрибутов («rather small, merry and bright, cheerful faces, practice their airs and graces»), Томас Элиот создает индексально-иконический знак, за которым стоит концепт красоты [8, с. 313]. Анализируя имена и дескрипции котов по такому же принципу, мы обнаруживаем за каждым из них определенный класс, то есть символическую сущность.

Как показал анализ произведения Томаса Элиота, принцип двойного кодирования пронизывает все пространство семиосферы. С какого бы ракурса ни рассматривался текст, обязательно обнаружится бинарный принцип его построения. Человек жонглирует различными видами знаков, комбинирует их по принципу взаимодополнительности, но никогда не обходится лишь одним способом

репрезентации реальности, так как только двоичное кодирование информации запускает процесс мышления. Такая тесная связь культурно-антропологических и генетических явлений (здесь имеется в виду функциональная асимметрия головного мозга) наталкивает на мысль, что любой познавательный процесс – «путешествие от означаемого к означающему» [5, с. 413].

Многомерность и вероятностность нашего мира определяется в первую очередь существованием большого количества знаковых систем для его отображения. Способность декодирования знаковых систем, их взаимный перевод определяет креативный и познавательный потенциалы человека. Используя универсальный когнитивный процесс двойного кодирования, человеческое сознание не только познает и конструирует реальность по принципу поликодности, но и запускает механизмы ее удвоения.

Семиосфера как пространство мировой культуры складывается из внутреннего диалога индивида, диалогов текстов разной знаковой природы и диалогов различных культур. Для того чтобы запустить процесс мышления, необходимо наличие как минимум двух переводимых знаковых систем, на стыке которых и будет осуществляться порождение новых смыслов.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
2. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе о гуманитарных науках // Письмо и различие. СПб.: Академ-проект, 2000.
3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985.
4. Ильин И. П. Постмодернизм: словарь терминов. М.: ИНИОН РАН: Intrada, 2001.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2000.
6. Фидлер Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. М.: Мысль, 1993. С. 462–518.
7. Эко У. Из заметок к роману «Имя розы»: постмодернизм, ирония, занимательность. М.: Иностранная литература, 1998.
8. Элиот Т.С. Стихотворения и поэмы. М.: АСТ, 2013.

9. Fokkema D. International Postmodernism: Theory and Literary Practice. Oxford. England: Oxford University Press, 1997.

10. Paivio, A. Mental representations: a dual coding approach. Oxford. England: Oxford University Press, 1986.

О. В. Арзямова

**Национальный семиозис сквозь призму
мультикультурного художественного пространства
(на материале прозы Каринэ Арутюновой)**

УДК 811.161.1

Национальный семиозис прозы Каринэ Арутюновой формируется на основе мультикультурного и этнокультурного видения и репрезентируется на уровне художественного сознания автора. Процесс метафоризации является основой для создания индивидуально-авторских образов и демонстрирует особенности речевого мышления автора. При этом универсальные мультикультурные словесные образы, как правило, обладают концептуальными особенностями, а этнические словесные образы (иноязычные вкрапления и слова-этнонимы) формируют определенный социокультурный этнотип. В результате происходит сближение кодов и знаков разных культур. Национальные образы, системно организованные посредством концептуализации, метафоризации и типологизации, передают этнокультурный колорит, который обладает уникальной возможностью воплощать сложные поликультурные семиотические системы.

Ключевые слова: национальный семиозис, мультикультурное художественное пространство, мультикультурализм, национально-культурная специфика, концептуализация, типологизация, метафоризация.